

Декабря 13 (26)

Священномученик
Александр Пospelов

Священномученик Александр родился 21 марта 1883 года в городе Владимире в семье чиновника государственного казначейства, коллежского асессора Василия Владимировича Пospelова. Василий Владимирович рано овдовел и женился во второй раз. В первом браке у него было трое детей – Александр, Николай¹ и Мария, а во втором – пятеро. Семье жилось трудно, зарплаты государственного служащего не хватало, так что пришлось испытать и голод, и в этом случае семье помогали сердобольные соседи. После смерти в 1898 году Василия Владимировича попечение о сиротах взяли на себя родственники, сестры покойной матери и ее брат, священник Михаил Антонович Крылов. Благодаря их поддержке братья Александр и Николай получили хорошее образование. В 1900 году Александр окончил Муромское Духовное училище и поступил во Владимирскую Духовную семинарию, из которой был отчислен по прошению в 1904 году. В апреле того же года был определён псаломщиком к Троицкому собору города Покров Владимирской губернии.

Александр познакомился с дочерью диакона Лидией Константиновной Тимофеевской, которая была учительницей в школе. Они поженились, и впоследствии у них родилось шесть детей – пять сыновей и дочь, два сына умерли в младенчестве.

В июле 1905 году Александр Васильевич был рукоположен в сан диакона к Троицкой церкви села Ворша Владимирского уезда, а августе 1908 года во священника Вознесенской церкви села Фомино Покровского уезда. В феврале 1913 года перемещён к Никольской церкви села Тетерино Суздальского уезда Владимирской губернии, где и пришлось ему встретить одно из самых беспощаднейших гонений в истории Церкви. Условия жизни стали настолько суровы, что ради прокормления семьи отец Александр стал подрабатывать счетоводом в потребкооперации.

В марте 1929 года скончался священник Иоанно-Предтеченской церкви в селе Кибергино. На похоронах присутствовало несколько священников из соседних приходов и среди них отец Александр Пospelов; после панихиды он был приглашен прихожанами и старостой послужить в их храме в ближайшее воскресенье. Отец Александр согласился и отслужил в воскресенье литургию. Его служение и проповедь понравились прихожанам, и они стали просить его остаться у них на постоянно и, в свою очередь, стали просить архиерея Иваново-Вознесенского, чтобы тот благословил отца Александра служить в их селе. После того как архиерей направил священника служить в храме села Кибергино, отец Александр переехал сюда.

Отец Александр был прекрасным проповедником и отзывчивым пастырем для своих прихожан, которые постоянно приходили за решением тех или иных вопросов к нему домой, и главным образом – поделиться своими бедами и горестями. Отец Александр с большой ответственностью относился к слову, особенно к произносимому в церкви за богослужением, и всегда тщательно

¹ Священномученик Николай Пospelов; память 4/17 февраля.

готовился к проповедям, прочитывая накануне массу книг. Текст проповеди он писал заранее, но когда выходил на амвон, никогда не пользовался записями, предпочитая живое слово читаемому. Слава о его проповедях быстро разошлась по округе, и к нему в храм стали ходить даже те, для кого тропинка к церкви давно казалась заросшей. Говорил священник проповеди не отвлеченно, но обращаясь к каждому, так что прихожане чувствовали, что священник соучастник и сопереживатель всех их проблем и не старается сгладить происходящее в действительности, но смотрит на вещи прямо, давая им те имена, какие они заслуживают, и если говорит о положении Церкви и верующих, то и современное положение называет прямо – гонением. Староста храма не раз делал по этому поводу замечания священнику, говоря: «Брось, отец Александр, проповеди, они тебя до добра не доведут». Но священник не слушал его, и пока было время для проповеди – проповедовал и всегда был готов всем вопрошавшим его о вере дать ответ о своем уповании.

Диакон Александр Поспелов с супругой Лидией Константиновной

Священнический дом в селе занимала семья почившего священника, и прихожане пообещали купить дом для семьи отца Александра и перевезти его в село, а также выделить надел земли для строительства; желанием прихожан было поселить священника недалеко от церкви, а это значит в центре села, чему, узнав об этом, стали противиться местные коммунисты. В начале апреля 1929 года был созван сельский сход, поставивший вопрос о предоставлении священнику участка земли, и, хотя сход был всецело на стороне священника, коммунисты, бывшие во главе схода, отказали в выделении земли священнику. 21 апреля состоялся новый сход, на котором уже не было коммунистов, и он принял решение наделить священника участком земли. Решение сельского схода было послано на утверждение Кибергинского сельсовета, который отменил решение крестьян. Крестьяне отправили по этому поводу жалобу в вышестоящую инстанцию, но она вместе со всеми документами была переслана в Кибергинский сельсовет.

21 мая 1929 года в Кибергино приехали рабочие из города, намереваясь снять и уничтожить церковные колокола. Во время их работы вокруг колокольной собралась толпа крестьян, для которых снятие колоколов было событием немало скорбным, рождавшим самые горькие переживания. Когда рабочие стали снимать с колокольной колокола, крестьяне сначала стояли молча, а затем мало-помалу начали возражать против творимого варварства. Рабочие, однако, не слушали, и в толпе крестьян стало расти все большее раздражение, и в том числе к наглым, беспощадным представителям антихристианской власти, которая словно для того и была создана, чтобы вызывать в человеке, ее поддерживающем, все самое подлое и низкое. Крестьяне все больше смелели и в конце концов со все большим раздражением и гневом стали выкрикивать: «Какая же это власть! Это котье, подлецы, кровопийцы». Они были настолько оскорблены и раздражены, что едва не избили уполномоченных, которых они сами посылали к властям ходатайствовать об оставлении колоколов, обвинили их в предательстве, что они за деньги от властей прекратили хлопоты.

В воскресенье 9 июня отец Александр, по обыкновению, произнес за богослужением проповедь, в которой упомянул, что в настоящее время падает благочестие, а против духовенства и верующих развернулось гонение. Проповедь была настолько сильной, настолько ярко рисовала настоящее тяжелое положение Церкви, нравственное падение народа, отсутствие православных устоев в современном мире, что многие из слушателей горько заплакали.

В этот день после богослужения состоялось собрание прихожан, на котором был поставлен вопрос о смене церковного старосты, который во многом, с точки зрения прихожан, поддерживал власти в их действиях против храма, в частности – дав письменное согласие на снятие колоколов. Впрочем, староста и сам попросил уволить его с этой должности, сообщив, что власти прислали уведомление о том, что храму нужно выплачивать значительно увеличенную сумму налогов. Нужной суммы на выплаты этих налогов в церковной кассе нет, деньги надо собирать с прихожан, а он этого делать не будет, так как такие сборы чреваты преследованиями от властей, и потому оставаться старостой он не желает.

Женщины, обсудив, как собрать средства, часть их тут же собрали, большинство сельскохозяйственными продуктами. Все верующие в тот момент хорошо понимали, что если не собрать для безбожников-живодеров налоги, то они храм сразу закроют, а этого никто из прихожан не хотел. Все если не понимали, то чувствовали, что с закрытием храма к каждому человеку приблизится духовная смерть, которая страшнее физической: оставшись без таинств, человек может погибнуть. На собрании стали обсуждать вопрос о том, чтобы снова просить власти выделить священнику землю для постройки дома.

После церковного собрания все прихожане разошлись, но в тот же день собрался сельский сход, на который пришли крестьяне не только из Кибергина, но и из соседних деревень, входивших в ту же волость и в тот же приход, так что сход оказался весьма многочисленным и присутствующим тут местным коммунистам не удалось на этот раз взять инициативу в свои руки, возглавить собрание и простым решением президиума провести свое решение. Собравшиеся крестьяне, а это в основном были женщины, были настроены крайне враждебно к местным коммунистам. Стали раздаваться громкие голоса: «Православные, да что же мы не можем защитить своего священника, который нам необходим. Гнать надо этих коммунистов, раз власть народная, то что хотим,

то и делаем, при царе и то было лучше, чем теперь. При царе и то больше разрешали народу делать, как народ хотел, чем теперь. Власть наша, и коммунистов слушать мы не будем, они против священника. Православные, что вы смотрите на каких-то двух человек. Коммунисты против священника, их надо самих из партии вычистить, это ведь не власть, а насилие». «Верно, правильно», – поддержали собравшиеся. Некоторые стали кричать: «Хоть умрем, а священнику землю дадим!» Одна из женщин, подойдя к местному коммунисту, сказала: «Сам-то ты хорош ли, что священнику землю не даешь». Другая, поклонившись коммунисту в ноги, сказала: «Уж ты, батюшка, смилостивись, дай священнику землю!» Третья ее стала останавливать и говорить: «Что ты ему кланяешься, подумаешь какая шишка! Я у Калинина была и то не кланялась. И без поклонов священнику землю дадим». В конце концов, крестьянский сход принял решение выделить священнику участок земли, и тут же в соответствии с постановлением схода был пущен подписной лист, под которым крестьяне стали быстро подписываться, выражая свое желание выделить для постройки дома священнику землю.

В тот же день местные коммунисты отправили заявление районному уполномоченному ОГПУ, которое заключили такими словами: «Просим уполномоченного ОГПУ принять самые решительные меры и искоренить эту черную свору, во главе которой стоят поп Пospelов... и другие здесь переименованные».

25 июня 1929 года отец Александр был арестован и заключен в тюрьму в городе Шуе. На следующий день старший уполномоченный секретного отделения Шуйского окружного отдела ОГПУ Маховер выписал постановление о начале следствия по делу священника и арестованных вместе с ним крестьян.

4 июля следователь допросил священника, который рассказал, каким образом он стал служить в храме в селе Кибергино, что крестьянами ему действительно была обещана квартира, но когда он приехал и квартиры не оказалось, крестьяне стали хлопотать о выделении участка земли, чтобы поставить на нем дом, который они купили и перевезли из деревни Шумилово. Ходатайство крестьян перед властями о выделении земли под постройку дома не увенчалось успехом, староста переговоров с властями о выделении земли не вел, и он попросил верующих, чтобы они сами похлопотали. На вопрос следвателя, произносит ли священник проповеди, отец Александр ответил, что произносит на тему праздника.

25 июля следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал, что отец Александр «с целью идеологической обработки населения и направления его против советской власти и ее местных органов, для более легкого в дальнейшем извлечения пользы для себя и церкви, неоднократно пользуясь положением священника, обладая хорошим голосом, использовал религиозные предрассудки населения и говорил в церкви проповеди антисоветского характера, подогревая своим фанатизмом население, преимущественно женщин, доводя их до состояния открытой демонстрации с требованием, вопреки всем законным нормам и положениям и общественным интересам самого населения, наделить Пospelова землей и усадьбой в центре села».

3 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило священника к трем годам заключения в концлагерь, и отец Александр был отправлен на Соловки.

Ко времени ареста отца Александра его старшие сыновья жили отдельно, дочь училась в школе в Суздале. После ареста его супруга с младшим сыном уехала в Иваново, где устроилась работать, но зарабатывала столь мало, что, отчаявшись прокормить детей, велела дочери зарабатывать самой и вскоре прислала к ней и ее младшего брата. Детей приняла семья сторожа Суздальского собора, в котором тогда еще совершались богослужения. Однако им пришлось разделиться, собор был закрыт, и мальчика взял к себе уже другой человек, живший в колокольне. Жить ему пришлось в суровых условиях, в почти неотопленной комнате, отчего мальчик вскоре заболел ревматизмом, который дал осложнение, и он скончался в Ивановской больнице. Ему было в это время четырнадцать лет, а сестре пятнадцать.

После возвращения из заключения отец Александр был возведен в сан протоиерея и 3 сентября 1932 года назначен священником в Успенский храм села Большое Песочное Выксунского района Нижегородской области. Все это время мать писала дочери, что ее отец скончался, – таким образом она хотела избавить ее от неприятностей и препятствий в получении образования, если бы стало известно, что она дочь священника, находящегося в тюрьме. Сердце дочери подсказывало, однако, что это не так и ее отец жив. И наконец осенью 1935 года она получила от матери письмо, что отец желает видеть ее. Она тут же собралась и приехала в село, где он жил. Они проговорили всю ночь. Отец Александр расспрашивал, как ей удалось получить образование, находясь в столь суровых условиях, и горько сокрушался, что ей не удалось сберечь младшего брата. Они расстались до наступления дня, так попросил отец Александр, опасаясь, что власти могут арестовать дочь. На прощание отец-священник благословил дочь, поцеловал ее, и они расстались – навсегда. Отец Александр вернулся к служению Богу и людям. 14 апреля 1937 года за безупречное и ревностное служение он был награжден палицей.

Летом 1937 года власти открыли новые и самые беспощадные гонения из бывших за эти двадцать лет правления безбожников. 21 ноября 1937 года протоиерей Александр был арестован и помещен в камеру предварительного заключения при Выксунском отделении милиции. В тот же день следователь допросил его.

– Вы знакомы с митрополитом Сергием Страгородским? – спросил он.

– Митрополита Сергия я знаю только по епархии, лично с ним знаком не был и встреч не имел.

– Следствие предлагает рассказать о вашей контрреволюционной деятельности среди населения.

– Рассказать о своей контрреволюционной деятельности не могу, так как этим никогда не занимался.

– Вы лжете с целью скрыть свою контрреволюционную деятельность. Следствие настаивает на даче вами подробных показаний по этому вопросу.

– Других показаний я не имею.

– Следствию известно, что вы, будучи настроены контрреволюционно, систематически среди населения распространяли контрреволюционную пропаганду против колхозов. В 1935 году при снятии колоколов организовали саботаж, читали проповеди контрреволюционного характера, в 1936 и 1937 годах агитировали против подписки на заем, одновременно распространяли клевету о голоде в СССР и тяжелом положении населения при советской власти... Подтверждаете ли это?

– Нет, не подтверждаю и отрицаю.
– Кто вас вовлек в контрреволюционную организацию?
– Меня никто не вовлекал.
– Вы даете неоткровенные показания.
– Мои показания откровенны.
– Вы лжете с целью скрыть свою и других контрреволюционную деятельность.
– Я говорю правду.
– Вы опять даете неоткровенные показания. Следствие настаивает еще раз дать откровенные показания по этому вопросу.
– Меня никто в контрреволюционную организацию не вовлекал, и о существовании таковой мне не известно.
– Вы арестованы как активный участник контрреволюционной группы церковников и систематически занимались контрреволюционной работой среди населения. Подтверждаете ли вы это?
– Нет, не подтверждаю и категорически отрицаю.
На этом допросы закончились, 23 ноября было составлено обвинительное заключение и отдано распоряжение при первом же конвое отправить арестованного в областную тюрьму, где производились расстрелы.
14 декабря тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Протоиерей Александр Поспелов был расстрелян 26 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на Бугровском кладбище в Нижнем Новгороде.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 7». Тверь. 2002. С. 259-265